

Говорят, что тело беты без феромонов будто бы обделено удовольствиями, что оно деревянное, слишком чувствительное там, где не надо, и недостаточно мягкое там, где должно быть податливым, что близость с ними — сомнительное удовольствие.

Но Фу Гэ благодаря стараниям Ци Ханя никогда не был обычным бетой.

У него нет ни пьянящего аромата омеги, ни нежного дыхания разгорячённых желез, но его тело — с первого дня — было обласкано, разбаловано и доведено до совершенства.

Сколько раз его пальцы пробегались по этой коже, сколько раз теплота касаний пробиралась под рёбра, а несколько месяцев назад Ци Хань и вовсе влил в него десятки ампул феромонов, чтобы окончательно перестроить.

Организм, истощённый болезнями, выкарабкивался. А вместе с ним нарастала и чувствительность.

Они знали только друг друга. Никогда не пробовали чужого. Но зачем, если их совместимость была до неприличия идеальной? В моменты, когда они не теряли голову, близость приносила чистое, неподдельное наслаждение.

Фу Гэ даже не успел понять, что произошло, когда спиной снова врезался в постель, а Ци Хань накрыл его сверху.

И как только губы соприкоснулись, вдруг стало нечем дышать — лавина феромонов обрушилась на него.

Он двигался слишком быстро. Слишком уверенно. Ни единого намёка на раны, на боль, на усталость.

Фу Гэ прижал ладонь к его груди, не давая навалиться сильнее:

— Подожди! Ты... осторожней, швы, они...

Ци Хань усмехнулся, а потом большим пальцем медленно, с намерением, провёл по его вздрагивающим губам, раздавливая их, доводя до болезненной чувственности.

И как только голос его прозвучал снова, последние остатки разума с треском рассыпались.

— Я же сказал: разойдутся — значит разойдутся. Даже если порвёт на части, я всё равно тебя возьму.

И невозможно было отрицать: в такие моменты Ци Хань был пугающе притягателен.

Как волк, ленивый, насмешливый, но в глазах которого — ни капли сомнений в собственном превосходстве.

— Ты хоть знаешь, на что сейчас похож? — Фу Гэ уже не отступал, наоборот, мягкими подушечками пальцев провёл по твёрдой, крепкой груди. — На зверя, сорвавшегося с цепи.

Ци Хань щёлкнул языком, равнодушно слизнул каплю крови с губ:

— А ты тогда кто? Запас на чёрный день? Будешь ждать, пока я тебя сожру?

Фу Гэ, не раздумывая, отвесил ему лёгкую пощёчину. Глаза, затянутые дымкой, пробежались по нему, царапая изнутри, а влажные, поблёскивающие губы выдохнули в самый центр сердца:

— Грубый.

Ладонь его будто подожгла. От прикосновения Ци Хань вздрогнул, будто током ударило — но не от боли, а от раздражающего до зуда желания.

Как голодный зверь, слишком долго сидевший без еды, он вцепился в добычу.

Стакан на тумбочке не выдержал, опрокинулся, ледяная вода окатила бок Фу Гэ.

— Маленький бес... — дыхание его сбилось, а голос был глухим, низким, тёмным. — Раз ты у нас такой мастер, бей ещё...

Ци Хань поймал его запястье и потянул к себе, будто предлагая ударить, но Фу Гэ и не думал выполнять просьбу. Вместо этого он приподнялся и мягко коснулся губами его подбородка.

— Если бы другие знали, что грозный и непоколебимый глава Ци в постели ведёт себя так пошло...

Ци Хань тихо, сдавленно рассмеялся. Скользнул пальцами по его горлу, прижал губами подбородок, нос, скулы.

— Не строй из себя святошу, не думай, что я не знаю: чем грубее я с тобой, тем больше тебе нравится. Ты любишь, когда я говорю грязные вещи.

— Я...

Тут нечего было возразить.

Фу Гэ просто поднял голову, послушно позволяя целовать себя дальше. Тепло альфы пробиралось под кожу, дыхание стало тяжёлым, горячим, удары сердца гулко отдавались в ребрах. Он запустил пальцы в его влажные от пота волосы, потянул вниз, прижимаясь сильнее.

— Запасная еда не дерётся, — прошептал он.

Ци Хань усмехнулся, чуть прикусил его губу.

— Ну, если не дерётся, то, может, кусается?

Фу Гэ прищурился, а потом резко потянулся вверх, захватывая губами уголок его рта, где запеклась тонкая полоска крови. Тёплый металлический вкус мгновенно заполнил рот.

— Проверь сам.

И с этого момента всё окончательно вышло из-под контроля.

Нет ничего более опьяняющего, чем схватка на равных. После пяти лет разлуки они не собирались тратить время на осторожные касания и поиски ритма. Они уже нашли друг друга, а сейчас оставалось только одно — разорвать, выжечь до последнего дыхания, пока вместе с потом не испарится всё, что в них есть.

Вдруг что-то со звоном покатилося по кровати.

Оба одновременно расхохотались — Фу Гэ вцепился в его плечи, Ци Хань уткнулся носом в шею, не переставая трястись от смеха. На подушках рассыпалась целая горсть винограда, переливающегося в лунном свете прозрачными каплями.

— Прости, малыш, — Ци Хань поспешно собрал ягоды обратно в тарелку, а потом ладонью провёл по его виску, куда только что прилетел фруктовый поднос. — Больно?

Да сам поднос, может, и не сильно ударил, но вот хватка альфы, вцепившегося в плечо, точно оставит следы.

Фу Гэ, не отвечая, обвил его шею, потянул вниз и снова поцеловал:

— Забей.

Ци Хань усмехнулся, прищурился, ухватил его за подбородок.

— Подожди немного, не спеши так, — голос был хриплым, насмешливым, ленивым. — Надо подготовиться.

Фу Гэ тяжело выдохнул, разум на мгновение вернулся. Щёки вспыхнули — и правда, они вели себя как дикие звери, рвущие друг друга на части.

Ци Хань приподнялся, обвёл взглядом постель, ища телефон, но так и не нашёл его. Пришлось спрыгнуть на пол и подойти к двери, чтобы набрать номер на внутренней линии.

Но, сделав всего пару шагов, он будто передумал. Вздрогнул, метнулся обратно, пригнул Фу Гэ за шею и накрыл собой, впечатывая в губы долгий, обжигающий поцелуй.

Фу Гэ снова рассмеялся.

— Хватит, иди уже звони.

Ци Хань почти вплотную прижался к его носу и властно приказал:

— Открывай рот.

— Т-ты... ты давай быстрее... — Фу Гэ опустил влажные, покрасневшие глаза, избегая его взгляда.

Но Ци Хань сдавил его губы, с лёгкостью раздвигая их, и с двусмысленной улыбкой прошептал:

— Ты тоже.

Спорить было бессмысленно. Маленький бета послушно подчинился, позволяя себя целовать, пока Ци Хань сам не насытился и, наконец, не отстранился. Потом, почти бегом, метнулся к двери и схватил телефон.

Говорил он быстро, но отчётливо, чётко расставляя приоритеты, будто на войне.

— Жаропонижающее, антибиотики, питьевая вода, двадцать энергетических батончиков, два укола блокатора, пять феромонных фильтров, семь пачек презервативов. Доставить наверх.

— Всем приказ: неделю никто не заходит. В обеих лестничных клетках поставить по пять охранников. Кухня должна работать круглосуточно, суп варить уже сейчас, не надо ждать, пока кому-то из моих людей вдруг приспичит, а его не будет.

Закончив с распоряжениями, Ци Хань бросил трубку и за считанные секунды вернулся в

кровать. Но, когда он уже потянулся к Фу Гэ, тот вдруг прошептал:

— Ты ведь... не попросил... ну... это...

Альфа на мгновение замер, но затем, мягко улыбнувшись, наклонился ниже.

— Что, совсем голову отключил? Когда я тебе позволял этим пользоваться?

Он помнил, как Фу Гэ реагировал на любые препараты, как раздражалась кожа даже от безобидных мазей. Приходилось проверять каждую мелочь.

— Да и, братец, тебе это не нужно, — его пальцы мягко скользнули по изгибу спины. — Ты у меня молодец.

Кому вообще хочется, чтобы его хвалили в такой момент?!

Уши Фу Гэ сразу же вспыхнули, он зарылся лицом в его плечо и пробормотал так тихо, что едва сам себя услышал:

— Я просто слышал... что с этим быстрее...

Ци Хань коротко, тихо рассмеялся, и голос его вдруг стал низким, тёмным, вкрадчивым:

— Уже не терпится? Тебе... нехорошо?

Фу Гэ дрожащими пальцами вцепился в его плечи.

— Угу... плохо... пожалуйста, быстрее...

Такой послушный, такой мягкий, такой податливый — сердце Ци Ханя превратилось в тёплую, тающую массу.

Он провёл пальцами по его спине, сильнее прижимая к себе, и слабо выдохнул в ухо:

— Не бойся. Нам это не нужно.

Ци Хань медленно скользнул кончиком языка по чувствительной мочке уха, а затем наклонился к самому уху и что-то прошептал, низким, ленивым голосом:

— Держи. Я люблю, когда ты такой. Ты всегда такой послушный... Хочешь ещё?

Фу Гэ слабо потерся макушкой о его шею.

— Хочу...

После неожиданного перерыва их накал немного остыл. Они уже не спешили.

А всё равно придётся подождать доставку.

Пока было время, Ци Хань взялся за его руки и ноги, медленно, тщательно массируя, разминая каждый мускул.

— Слушай меня, — негромко сказал он. — Если тебе станет некомфортно, просто скажи. Между нами не должно быть стеснения, хорошо?

Фу Гэ стиснул зубами его пальцы и задумчиво принялся играть с ними.

— Я не такой, как ты. Не понимаю, зачем при этом ещё и разговаривать.

Ци Хань усмехнулся, плотнее сжал его плечи.

— А я разговариваю, потому что хочу, чтобы ты знал, как сильно ты мне нравишься. — Голос его стал глубже. — И хочу, чтобы ты тоже говорил. Мне важно знать, как тебе.

Он уткнулся лбом в его лоб, их взгляды сплелись, удерживая друг друга в тягучей, неподвижной тишине.

— Я знаю, твоя чувствительность пока ещё не до конца вернулась. Но это не страшно. Пока я здесь, не бойся ничего.

Слова цеплялись за его дыхание, проникали в кости, в сердце.

— Я могу сделать так, чтобы тебе было хорошо и без боли. Отныне ты больше никогда не почувствуешь её, малыш. Ты будешь самым счастливым бета на всём свете.

Фу Гэ замер, в его глазах застыло нечто необъяснимое.

А потом, вдруг, он тихо выдохнул:

— Тогда те несколько упаковок, что ты заказал... они ведь нам не нужны.

— Нет, — тут же возразил Ци Хань. Тон его был безапелляционным, не терпящим возражений.
— Врач сказал, что там ещё не всё зажило. Мы не можем рисковать.

Ему было не всё равно. Возможно, даже больше, чем самому Фу Гэ. Пока всё не заживёт полностью, он не собирался даже касаться. Если бы не его течка, он вообще не допустил бы этого.

— Я не такой хрупкий. Врач говорил, что в течку можно...

Фу Гэ склонился ближе, что-то тихонько прошептал ему на ухо.

Ци Хань замер.

Глаза его вспыхнули. Он явно не ожидал услышать это.

— Повтори, — его голос стал хриплым, словно обожжённым изнутри. — Повтори ещё раз, малыш.

Фу Гэ уже горел.

Он не соображал. Феромоны в крови окончательно стерли границы между стыдом и желанием. Но где-то в глубине души он всё же удерживал крошечную каплю здравого смысла, которая не давала ему говорить об этом прямо.

— Я... — Он закусил губу, но потом сдался, шепнул едва слышно, почти умоляюще: — Я хочу, как раньше...

Последние слова он не смог сказать вслух. Они застряли в горле.

Фу Гэ просто прижался губами к его коже и чуть слышно добавил:

— Это было так... хорошо...

Ци Хань не стал ждать доставку, прижал к кровати, накрыл собой, вырывая из него затуманенные стоном дыхания.

Феромоны взорвались, как буря.

Ассистент стоял за дверью добрые десять минут, прежде чем кто-то соизволил выйти.

Когда Ци Хань, наконец, распахнул дверь, его одежда была смята, волосы растрёпаны, а вся шея залита алыми следами.

Пар от тела поднимался вверх, а взгляд был таким, что помощник едва сдержался, чтобы не шарахнуться.

Молча, не говоря ни слова, он поставил коробки на пол и поспешно исчез.

Ци Хань схватил один из энергетических батончиков, переломил пополам и поднёс ко рту Фу Гэ.

Тот лежал, уткнувшись лицом в подушку, лениво приоткрыл губы, принимая пищу, и слегка прищурился — точь-в-точь довольный кот, которому дали любимое лакомство.

Изредка он издавал слабые, едва слышные звуки, и каждый из них был будто новая искра в потухающих углях.

— Ты в порядке?

Фу Гэ не отвечая, подтянулся ближе и скользнул губами по его рту, передавая остатки сладкого крема.

— Хочу ещё...

Ну, раз маленький кот хочет есть, значит, придётся его покормить.

Это длилось семь дней и семь ночей.

Самая долгая течка в жизни Фу Гэ. Дольше, чем у большинства омег.

Жар, в котором хочется либо сгореть, либо скорее остудить. И прикосновения, от которых невозможно отказаться.

Ци Хань заботился о нём так, как никогда раньше.

Каждый раз, как он засыпал, простыни под ним были свежие, сухие. Каждая поднесённая ко рту чашка воды — идеально тёплой. Он даже не помнил, когда последний раз вставал с кровати. Еду приносили к губам, тело несло туда, куда нужно.

Ци Хань давал ему всё.

Если Фу Гэ хотел, он дарил ему безграничное удовольствие. Если Фу Гэ устал, он укутывал его в свой запах.

Последний раз был самым спокойным. Последняя волна жара уже испарялась, и Ци Хань, будто прощаясь с ней, провёл самую медленную, самую нежную ночь.

Он не торопился. Ритм был ровным, глубоким, наполненным, тёплым. Каждый стон, каждый вздох Фу Гэ ловил и впитывал в себя, будто складывая в сердце.

Фу Гэ почти не мог открыть глаза, слишком хорошо.

Слишком... правильно.

Ци Хань наклонился ближе, прошептал в его губы:

— Малыш, ты готов?

Теплая ладонь долго задерживалась на его правом плече, пальцы медленно, настойчиво разминая кожу, пока та не разгорелась, не заняла легким онемением. Он знал, что Ци Хань хочет поставить метку.

— Я давно готов... Давай...

Метка, потерянная когда-то и возвращенная с боем, запоздалая на пять лет клятва в жизни и смерти, любовь, глухая до боли, драгоценность, пронзающая сердце... В этом не было ни капли колебаний.

Хрупкая кожа разошлась под внезапным, безжалостным укусом, а затем волна за волной прорвалась в кровь, растекаясь по венам, выжигая путь к самой сути, приковывая его окончательно и бесповоротно. Бета вздрогнул, откинув голову, а властный аромат горьковатого колокольчика впился в его тело, пророс корнями в каждый нерв не оставляя шанса на побег.

Слезы, прозрачные, горячие, тяжелыми дорожками скатывались по щекам. Фу Гэ дрожал, сжимая ресницы, и в сбивчивом, почти сломанном дыхании уткнулся зубами в его палец, приглушенно всхлипывая:

— А Хань...

— Фу Гэ... теперь я твой. Навсегда.

Столько лет одиноких скитаний, десятилетие без привязи, жизнь, пропитанная кровью и потерями, шаг за шагом через бескрайние земли, полные смерти. И вот — как медвежонок, вцепившийся в давно потерянный горшок с медом — он наконец нашел дорогу домой.

Фу Гэ перед тем, как провалиться в темноту, подарил ему последний поцелуй — мягкими, горячими губами он коснулся изгиба альфа-железы. Пальцы, такие слабые сейчас, пробрались в волосы, зарылись в них поглаживая, успокаивая.

Судьба — кривая, сломанная дорога, полная безжалостных, выдуманных историй, одиночества и горьких разлук. Он прошел ее, пересек десять тысяч диких земель, изгрызенных тьмой, и наконец-то растолкал ее сумерки.

Ночь ушла. Боль растворилась.

<http://bllate.org/book/14453/1278365>